

ЭСТРАДА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Читатель спрашивает

Помещенная в вашей газете 23 января статья как бы делает обзор эстрады за 1987 год, критикуя ряд исполнителей. Но почему не говорится об эстраде вообще? Почему? Иногда слушаешь по радио некоторых «певцов» и диву даешься, как пропускаются в эфир такие бездарные исполнители с их песнями. Неужели современные поэты не могут придумать тексты получше?

Теперь о главном. Говорят, смех продлевает жизнь. А много ли дают нам по радио и по телевидению по-настоящему развлекательных

программ? Нет и нет? Если и есть у нас отдельные сатирики, такие, как Е. Петросян, Е. Шифрин, то их можно услышать только от случая к случаю. Думаешь в воскресенье послушать хорошие интимные, юмористические рассказы, песни. А их нет. Разве у нас стало некого высмеивать? Да хоть пруд пруди. И как только художественный совет пропускает такие беззубые программы?

А в передаче «Добрый вечер, Москва!»? Что там творится? Музыкальные заставки звучат на иностранном

языке. Кто их, позволяете спросить, понимает, и для кого они передаются?

Интересно, а что, за рубежом тоже не поют своего, а как у нас — только иностранное?

Почему забыта старая эстрада? Где Райкин, Рудаков и Нечаев, Шуруп и Рыкунин, Тимошенко и Березин, Ауэрбах, Милов и Новиков, другие сатирики? Их шуточки и пародии высмеивают бюрократизм, волокиту, взяточничество. Чем же это сегодня не современно?

Слишком мало песен слышим мы сегодня и

в исполнении Сикоры, Великановой, Дорды, Козина и других певцов. Отсутствует пропаганда эстрадной музыки и танцев прошлых лет. Если и звучит такая музыка, то лишь по средам, да и то всего 15—20 минут. Как отписка бюрократа: вот, мол, нате, мы вам передаем...

Я прошу мое письмо опубликовать в «ВМ» и ответить мне: кто же несет ответственность за эстраду?

Е. ГОРБАТОВ,
ветеран войны.

На письмо отвечает заслуженный артист РСФСР

Евгений ПЕТРОСЯН

Я с интересом прочитал письмо Евгения Александровича Горбатова. И не один раз. И вот что по этому поводу подумал: как и все мы, автор письма, конечно же, в чем-то субъективен. Однако, когда он пишет о смехе, юморе как о самом главном слабом эстрадного представления, я полностью к нему присоединяюсь. Именно с этой, самой близкой мне темой и хочу начать разговор.

Смех, действительно, украшает и продлевает жизнь человека, делает его умнее и добрее. Бернард Шоу вообще считал, что способность к юмору — чуть ли не единственное, что отличает человека от животного. Недавно я смотрел французскую пародийную кинокомедию «История человечества»,

где иронические сцены из жизни первобытных людей комментируются таким закорючатым текстом: «Даже у первобытного человека появилась потребность в смехе — смех был нужен для выживания»...

Я двадцать пять лет жизни посвятил этому жанру и потому знаю, как он непрост. И еще я понял, как многое в нашем искусстве определяет время. Сегодня эстрадная сатира, безусловно, обретает совершенно иное качество. Изменились взаимоотношения артиста-сатирика с авторами и зрителями, и новизна этих отношений рождает и новую для нас, артистов, эстетику. Еще недавно мы говорили — «так сказал Райкин», или — «как говорил Хазанов?». И имя

автора, текстам которого в исполнении артиста аплодировал зритель, оставалось известным лишь профессионалам. Теперь иначе.

Имена М. Жванецкого, М. Задорнова, А. Левина, А. Хайта известны порой не менее, чем имена их исполнителей. Более того, авторы-сатирики сами вышли на сцену, соперничая с нами, артистами. Процесс этот начался еще в телепередачах «Вокруг смеха». Но только теперь зритель стал так широко и открыто, в больших концертных залах встречаться с нашими авторами. И дело не только в том, что пишущих сатириков настала жажда особой популярности, что ими овладела актерская психология.

Уверен, что это явление

порождено временем, потребностью современного зрителя, общественного сознания которого резко изменилось. Как никогда ранее, усилилась жажда правды, знания жизни, желание самостоятельного осмысления действительности, полемического обсуждения различных явлений. А для этого необходим умный и, значит, ироничный собеседник.

Очень важным стало чувство личной причастности к событию того, кто о нем рассказывает. Наверное, непосредственная встреча с автором и дает зрителю такое ощущение. К тому же артистов этого жанра мало, и авторы успешно восполняют пробел. Я все же надеюсь, что это не отвлечет наших уважаемых писателей

от их основной профессии и они не перестанут писать.

Время... Я тоже прекрасно помню имена, которые называются в письме, со многими знаменитостями я вместе работал.

В одном из концертов, который вел Михаил Гаркави, Ружена Сикора пела песню с часто повторяющимся припевом — «так уж мною решено». Публика ее все не отпускала, тогда Гаркави пригласил артистку на сцену и попросил: «Спойте, пожалуйста, еще», — и добавил: «Так уж мною решено». А однажды Гаркави сидел в пустом зале и прослушивал молодого конферансье. Тот бодро вышел на сцену и заученно начал: «Добрый вечер, здравствуйте, дорогие друзья!» На что Гаркави выкрикнул из зала: «Идите к черту!». Молодой человек растерялся и спросил: «Почему, Михаил Наумович?». «А где же импровизация?» — ответил мастер. Дару импровизации он придавал огромное значение. Сегодня импровизационное искусство во многом утрачено.

Вы думаете, это так просто — мгновенно ориентироваться, не растеряться, почувствовать партнера, угадать зрительный зал, понять его, найти взаимопонимание, победить, наконец? Это замечательно уметь делать наши старые мастера. Где они? Какой странной вопрос... Как говорил Утесов, незаменимых нет, но неповторимых есть. Никогда не будет нового, другого. Райкина или Утесова. И смешно требовать от телевидения или Министерства культуры новой Клав-

дии Шульженко. Время!..

Согласен с автором письма, что и радио, и телевидение может, обязано помогать хранить память о мастерах старой эстрады, демонстрировать их записи. Но и наше время располагает своими талантами. Вел Михаил Гаркави, Ружена Сикора пела песню с часто повторяющимся припевом — «так уж мною решено». Публика ее все не отпускала, тогда Гаркави пригласил артистку на сцену и попросил: «Спойте, пожалуйста, еще», — и добавил: «Так уж мною решено». А однажды Гаркави сидел в пустом зале и прослушивал молодого конферансье. Тот бодро вышел на сцену и заученно начал: «Добрый вечер, здравствуйте, дорогие друзья!» На что Гаркави выкрикнул из зала: «Идите к черту!». Молодой человек растерялся и спросил: «Почему, Михаил Наумович?». «А где же импровизация?» — ответил мастер. Дару импровизации он придавал огромное значение. Сегодня импровизационное искусство во многом утрачено.

«Не хочу, чтобы меня правильно поняли», как сказал один наш сатирик, и не утверждаю, что на эстраде сплошные таланты. Однако и с теми интересными артистами, которые у нас есть, зрителю встретиться довольно трудно, и не только на телевидении. Организация концертного дела безнадежно отстала от времени. Нет широкой рекламы, нет правильно и серьезно ориентирующей нас профессиональной критики. Нет, наконец, необходимого количества концертных залов. Подумать только — у такой крупнейшей организации, как Москонцерт, нет своей концертной площадки! А сколько при этом в учреждении огромных конферанс-залов, которые пустуют после рабочего дня, вечером! Я на одном

Фото Н. МАЛЫШЕВА (ТАСС).

проспекте Калинина знаю три таких зала.

И меня, как и автора письма, тревожит также то, что не так уж часто видишь на сцене яркую индивидуальность. На эстраде это дает себя знать особенно явно. Ведь здесь, где встречаешься со зрителем один на один, где тебя не «прикроет» партнер, коллектив, — здесь отсутствие личного начала пагубно как нигде. Тревожный симптом касается не только искусства. Нас так долго воспитывали, нивелируя личность, игнорируя особенности отдельного человека, что очень и очень долго нам придется рассчитывать за это.

Многие из мастеров эстрады мечтают о создании своего театра. Такой театр организовал, например Г. Хазанов. О своем театре мечтаю и я. О Театре эстрадной миниатюры, который соединил бы в себе не только монолог, скетч, сцену, но

и песню, пантомиму, музыкальную миниатюру. Однако осуществление мечты натывается на непреодолимые у нас в Москонцерте экономические и организационные препоны.

У меня уже есть спектакли — «Доброе слово и кошке приятно», «Как поживаете?». Но показывать их — проблема. Проблема с помещением, хранением костюмов и аппаратуры, оплатой труда, наконец. Нет, без решительных организационно-экономических перемен в нашем творческом деле ничего не сдвинешь.

Совершенно необходим переход Москонцерта на эксперимент. Самостоятельность творческих коллективов, работающих на принципах самоокупаемости, безусловно, заставит не только искать, но и находить новые формы и способы разговаривать со зрителем, быть всегда ему нужным.